

Жвйтиашвили Анатолий Шалвович

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела социальной
структуры Института социологии Федерального
научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Zhvitiashvili Anatoliy Shalvovich

PhD in History, Leading Research Fellow,
Department of Social Structure,
Institute of Sociology, Federal Center of
Theoretical and Applied Sociology of
the Russian Academy of Sciences

MODERNIZATION PROBLEMS IN RUSSIAN SOCIETY: A METHODOLOGICAL ASPECT

Аннотация:

В статье раскрываются проблемы модернизации российского общества в методологической плоскости. Модернизация рассматривается в соотношении с фактором зависимости от прошлого пути развития. Выделены два основных типа модернизации – дуалистический и синтетический. Дуалистический тип характеризуется более сильной зависимостью от прошлого пути и, следовательно, большей рассогласованностью традиционного и современного. Синтетический тип более органично интегрирует традиционное в современное. Модернизация в России принадлежит к дуалистическому типу. Его природе передают предложенные автором клэш-пары (от англ. *clash* – столкновение), т. е. пары конфликтующих социальных переменных, указывающих на роль зависимости от прошлого пути развития и особенности модернизации в России. К клэш-парам отнесены: «центр – периферия», «власть-собственность – частная собственность», «патримониальное государство – рынок», «традиционалистская автократия – либеральная автократия», «“механическая солидарность” Э. Дюркгейма – “качественный индивидуализм” Г. Зиммеля», «внеэкономический контроль – вольности». С одной стороны, эти пары создают коридор возможностей для модернизации, с другой – существенно ограничивают ее возможности. Поскольку российская модернизация сохраняет этакратическое устройство общества, объективно ее основная задача сводится к обеспечению ее функциональности (адаптивности) этакратизма, а не к его преодолению.

Ключевые слова:

модернизация, зависимость от прошлого пути, этакратизм, клэш-пары, «центр – периферия», «власть-собственность – частная собственность», «патримониальное государство – рынок», «традиционалистская автократия – либеральная автократия», «“механическая солидарность” Э. Дюркгейма – “качественный индивидуализм” Г. Зиммеля», «внеэкономический контроль – вольности».

Summary:

The study deals with the modernization issues of the Russian society within the methodological framework. There is a correlation between modernization and path dependence. The author highlights two main types of modernization, i.e. dualistic and synthetic ones. Dualistic type is featured by the stronger path dependence and consequently the stronger disagreement between the traditional and the modern components. The traditional element is perfectly integrated into the modern one within the synthetic type. The Russian modernization is of a dualistic type. It is characterized by clash opposites proposed by the author. The clash opposites are conflicting social variables, which put stress on the role of path dependence and peculiarity of the modernization in Russia. The clash opposites are as follows: center – periphery, power-based ownership – private ownership, patrimonial state – market, traditionalistic autocracy – liberal autocracy, mechanical solidarity by E. Durkheim – qualitative individualism by G. Simmel, non-economic control – liberties. On the one hand, these opposites provide opportunities for modernization. On the other hand, they obviously limit efforts to modernize the traditional society. Since the Russian modernization retains state-based social structure, its crucial task is to make the statist society function (adapt) but not to overcome it.

Keywords:

modernization, path dependence, statist society, clash opposites, center – periphery, power-based ownership – private ownership, patrimonial state – market, traditionalistic autocracy – liberal autocracy, mechanical solidarity by E. Durkheim – qualitative individualism by G. Simmel, non-economic control – liberties.

Модернизация и зависимость от прошлого пути развития

При оценке перспектив модернизации в России следует помнить ее сложную судьбу. Нередко усилия по реформированию российского общества заканчивались откатом от завоеванных позиций. Модернизация в России часто наносила, говоря словами П. Штомпки, «культурную травму» самым разным социальным группам, а «старый порядок» при этом вновь оживал в новом обличье. Причина этого кроется в исторической специфике российского общества и в противоречиях самой модернизации. Рассмотрим их в методологическом ключе.

Под модернизацией условимся понимать восходящий вектор развития трансформационных процессов в противоположность архаизации как их реверсивному направлению. Модернизация есть асинхронный по времени и нескоординированный в пространстве переход от традици-

онного общества к современному. Логика такого перехода подчиняет релятивизации само понятие современного. То, что является современным в одной стране или эпохе, в другой – ее вчерашний день. Глобализация и новая технологическая революция, кардинально меняющие условия человеческого существования, размывают границы современности, активизируя социальную архаику. Распространение информационных технологий постепенно стирает грань между неиндустриальным и постиндустриальным обществом. Вместе с тем модернизация становится перманентным структурным процессом, а не просто точкой сбора сил социального обновления, ограниченной определенным историческим периодом.

В поисках осмысления проблем модернизации в России обратимся к методологическому подходу, получившему в научной литературе название *path dependence*, т. е. зависимость от предшествующего пути развития или исторической колеи. Определение этого концепта, запущенного в научный оборот в конце XX в., принадлежит П. Дэвиду. Согласно американскому исследователю, «зависимость от предшествующего развития – это такая последовательность экономических изменений, при которой важное влияние на возможный результат могут оказать отдельные события прошлого, причем скорее случайные события, чем систематические закономерности» [1]. Под такими событиями понимаются события, которые произошли вследствие неправильно сделанного акторами выбора. В результате возникает «блокировка» социальных процессов, характеризующая «состояние равновесия с крайне низким потенциалом для вызываемых эндогенными причинами изменений», или то, что исследователи назвали «трудностью выхода из сложившейся ситуации» [2]. Эту «трудность» создают разные типы колеи [3]. Так, подчеркивая роль религиозной колеи в процессах модернизации, Р. Хубер, следуя подходу М. Вебера, пишет: «Фатализм мусульманской религии не поощряет целеустремленности. Мистицизм индуизма, буддизма и конфуцианства осуждает, а не поощряет заботу о своих правах в этом мире. Такая религия препятствует развитию индустриализма. В Америке религия пуританского протестантизма поощряла человека быть производителем. Обхитрить судьбу считалось способом выразить преданность Богу и явным доказательством его благосклонности» [4, с. 172]. Хотя такой вывод противоречит реальному историческому опыту модернизации стран с восточной религиозной культурой, он указывает на примеры возможной зависимости настоящего от прошлого пути развития.

Логика рассматриваемой концепции позволяет избегать строгого разграничения закономерных социальных процессов и социальных процессов, зависящих от прошлого пути, понять причины социальной инерции, увидеть в инерционном сценарии развития источник конфликта между традиционным и современным, определить пределы модернизации в отдельно взятом обществе. Однако во всем этом нет роковой предопределенности. Многие зависят от самих акторов модернизации, их умения адаптировать традицию к меняющимся реалиям для как можно более безболезненного осуществления модернизационного транзита.

По степени согласованности традиционного и современного выделяются два основных типа модернизации – дуалистический и синтетический.

Дуалистический тип модернизации характеризуется феноменом «неопатримониальных обществ» и эффектом «структурной дуальности». По словам Ш. Эйзенштадта, в рамках «неопатримониального типа» «центр... монополизировал... политические ресурсы; крупным группам населения оставалось немного возможностей для самостоятельного доступа к таким ресурсам и к позициям контроля над последними» [5, с. 327]. Признаком «структурной дуальности» является сочетание в условиях модернизации «дезорганизованного традиционного» и «неинтегрированного современного» сегментов общества [6]. В рамках такой модели возрастает роль фактора зависимости от прошлого пути с ее повышенными рисками и слабостью эндогенных факторов социальных перемен.

Синтетический тип устраняет непримиримый дуализм традиционного и современного. Так, Р. Бендикс заключал: «Сегодня индустриальные общества сохраняют традиционные аспекты своих социальных структур, которые сочетаются в разных формах с экономическим развитием. <...> Идея о том, что традиция и модернизируются взаимно исключают друг друга, просто неверна» [7, р. 9]. Применительно к незападным странам синтетический тип определяется как такой тип модернизации, где ее успех становится «возможным только при органическом синтезе современных рационально-технологических ценностей и институтов с традиционными... основами западных обществ и учет социокультурной специфики полагается важнейшей исходной посылкой современных преобразований» [8, с. 149]. Синтетический тип, сохраняя зависимость от прошлого пути, открывает больше возможностей для смягчения ее негативных последствий.

Соотношение зависимости от прошлого пути и модернизации можно описать в терминах «вызов – ответ», где первое представляет собой вызов со стороны прошлого, а второе – ответ настоящего, возможный в данных исторических условиях.

Тип российского общества

Для понимания исторических особенностей модернизации российского общества следует рассмотреть вопрос о его социально-историческом типе. В его оценке наметились две основные

точки зрения. Одну из них можно назвать цивилизационной, другую – формационной. Цивилизационный подход оценивает Россию как специфическую цивилизацию, непохожую на цивилизации Запада и Востока, хотя и имеющую с ними точки соприкосновения. Сторонники этой позиции определяют российское общество как «этакратическое» (неоэтакратическое) или «раздаточное» [9]. Концепция этакратического устройства российского общества находит свое обоснование в концепциях патримониального общества М. Вебера [10], редистрибутивных систем К. Поланьи [11] и «восточного деспотизма» К. Виттфогеля [12].

Перечислим основные признаки этакратических систем в терминах М. Вебера, К. Поланьи и К. Виттфогеля:

- «общества, основанные на власти» (К. Виттфогель);
- господство нерыночного обмена и редистрибутивных отношений (К. Поланьи);
- «монополистический характер» «экономической организации» (М. Вебер);
- «включенное», т. е. «невыведившееся», «положение экономики по отношению к обществу» (К. Поланьи);
- мобилизационный способ хозяйствования (К. Виттфогель);
- внеэкономическое принуждение (К. Виттфогель);
- доминирование нерыночных статусных групп (М. Вебер);
- условный (конвенциональный) характер правил поведения (М. Вебер);
- зависимость уровня доходов от занимаемой должности или положения в обществе (принцип прямого статусного распределения как базовая форма нерыночной редистрибуции) (К. Поланьи);
- предписанная передача статуса (аскриптивная стратификация) (М. Вебер, К. Поланьи);
- приоритет административно-политической иерархии при отсутствии или слабости института частной собственности (К. Поланьи, К. Виттфогель). Отсюда господство отношений типа «власть-собственность» как нерасчлененное единство властных и собственнических отношений, где, говоря словами Р.М. Нуреева, «политическое лидерство дает неотъемлемое право распоряжаться собственностью»;
- «монополистическое присвоение управленческой власти», вызывающее дихотомическое разделение общества на «класс бюрократии» и зависимых от него остальных членов общества (М. Вебер, К. Виттфогель).

«Этакратизм, – пишет О.И. Шкаратан, – самостоятельная ступень и параллельная ветвь исторического развития современного общества со своими собственными законами функционирования и развития. С утверждением этакратизма историческое развитие как бы закладывает виток гигантской спирали, на котором вновь формируются общества властного типа» [13, с. 51]. Констатируя, что «роль государства... определяющая, но не единственная, ...поскольку присутствует и частнособственническая рыночная компонента», сторонники излагаемой позиции подчеркивают дуализм этакратической системы [14, с. 89]. В этой концепции институт частного предпринимательства является «компенсаторным» по отношению к власти-собственности и не может обеспечить переход от одной формации к другой [15].

Те, кто придерживается концепции этакратизма, смотрят на российский социум как на сословно-классовый. По словам О.И. Шкаратана, «в России сложилась... дуалистическая социальная стратификация, сочетающая сословную... и социально-профессиональную иерархии. Первая есть продукт преобладания властно-собственнических отношений, а вторая – продукт отношений, складывающихся на рынке труда» [16, с. 11]. С.Г. Кордонский использует понятие сословий для «описания иерархий служения, ...прав и привилегий», а понятие классов – «для описания... иерархий в отношениях потребления», связанных с рыночными отношениями [17, с. 24, 40]. К сословиям он относит государственных служащих разных ведомств, лиц свободных профессий, наемных работников, предпринимателей, бюджетников, пенсионеров, маргиналов. Тенденцию к классовому расслоению С.Г. Кордонский видит в процессе расслоения на богатых и бедных, различающихся уровнем потребления, регулируемым игрой рыночных сил. Н.Е. Тихонова, разделяя оценку российского общества как этакратического, уточняет ее. По мнению Н.Е. Тихоновой, «критерий доступа к власти» – индикатор статусов только «элитных и субэлитных групп», а статусы остальных слоев населения определяют «рыночные позиции индивидов» [18, с. 78].

В рассматриваемом подходе проблематично выделение сословного характера российского общества. Как отмечает М.Ф. Черныш, «одним из важнейших признаков сословности является ее присутствие в массовом сознании – представление о чести в высших сословиях и признании законности сословной иерархии большинством населения. Данные признаки сословности в российском обществе отсутствуют» [19, с. 193].

Согласно другой (формационной) точке зрения, Россия принадлежит к странам, вставшим на капиталистический путь развития [20]. По словам Д. Лэйна, «с учетом специфических предпосылок, сложившихся в России, ...наиболее жизнеспособным для нее вариантом капитализма... является государственный капитализм, делающий ставку на развитие государственно-частных

партнерств...» [21, с. 25]. Однако вторая позиция выглядит более уязвимой в свете феномена, который исследователи называют «капиталисты без капитализма» [22, с. 160]. Под ним понимается превращение бывшей советской номенклатуры в класс собственников, действующих в условиях слабых и зависимых от государства рыночных институтов. За капиталистическим фасадом сохраняется власть-собственность, отличающая этакратическое общество от общества с господством частной собственности. Приведенная ниже таблица показывает эту разницу.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика систем собственности: власть-собственность и частная собственность [23]

Признак сравнения	Система власти-собственности	Система частной собственности
1. Форма собственности	Общественно-служебная собственность	Частная собственность
2. Субъекты прав собственности	Государственные чиновники	Индивидуальные владельцы ресурсов, домохозяйства
3. Тип правомочий собственности	Властные общественно-служебные правомочия государственных чиновников	Индивидуальные правомочия владения, пользования, распоряжения и др.
4. Характер распределения правомочий между субъектами	Правомочия размыты между всеми хозяйствующими субъектами. Реализация правомочий имеет форму службы	Отдельные пучки правомочий принадлежат независимым частным собственникам
5. Целевая функция субъектов	Максимизация разницы между полученными раздачами и произведенными сдачами	Максимизация произведенной текущей стоимости активов или дивидендов по акциям
6. Система стимулов	Административные контроль и принуждение	Индивидуальные стимулы к повышению личного благосостояния
7. Механизмы и инструменты передачи прав собственности	«Сдачи» и «раздачи»	Контракты между независимыми участниками
8. Субъекты – гаранты прав собственности	Специальные административные подразделения центральной и региональной власти	Суды, правоохранительные органы
9. Механизмы гарантий прав собственности	Административные жалобы	Исковые заявления против нарушителей контрактных обязательств
10. Структура и состав транзакционных издержек: 1. Спецификация прав собственности. 2. Передача и перераспределение. 3. Защита	1. Права собственности намеренно размываются чиновниками в целях извлечения ренты. 2. Издержки влияния в рамках иерархических структур. 3. Защита прав производится государственными чиновниками в «индивидуальном порядке»	1. Права собственности четко специфицированы с помощью легальных процедур. 2. Издержки заключения и выполнения контрактов. 3. Государство защищает в рамках установленных законом процедур права индивидуальных собственников

Особенности модернизации российского общества

Для понимания специфики модернизационного потенциала российского общества в его историческом развитии и выявления роли зависимости от прошлого пути следует принять во внимание два фактора. Первый – феномен «расколотого общества» [24]. Его корни уходят в царствование Петра I, когда в России произошел глубокий социокультурный раскол на европейски ориентированные верхи и традиционалистски настроенные низы. Другой фактор – фактор пространства. П.Я. Чаадаев называл Россию цивилизацией «пространства». Отсюда традиция следовать по экстенсивному пути развития. В истории России успешные модернизации сопровождались приращением территорий. Так, петровские реформы привели к созданию империи, включившей в свой состав новые земли. В период царствования Александра II, отменившего крепостничество и осуществившего другие структурные реформы, Россия присоединила к себе территории Центральной Азии. Успех большевизма не в последнюю очередь объясняется восстановлением им распавшейся империи.

В поисках подхода к анализу природы российской модернизации остановимся на клэш-парах (от англ. clash – столкновение), т. е. парах конфликтующих социальных переменных, определяющих степень зависимости от прошлого пути и возможности обновления общества. Эти пары – показатель дуализма этакратической системы и механизм ее институциональной динамики. Возникающее между ними напряжение вызывает дисфункции в обществе, одной из реакций на которые является модернизация.

Клэш-пары складывались в процессе взаимодействия эндогенных и экзогенных факторов. С тех пор как Петр I «прорубил окно в Европу», западное влияние на русское общество стало одним из факторов его развития. По словам философа XIX в. К.Н. Леонтьева, в России «государственность со времен Петра почти немецкая», «общественность» – «французская», «наука до сих пор общеевропейского духа».

Клэш-пары могут также рассматриваться и как идеальные типы в смысле М. Вебера, т. е. как «мысленная конструкция для... систематической характеристики» социальной реальности [25, с. 310]. С этой точки зрения клэш-пары являются способом концептуального конструирования социальных явлений.

К клэш-парам отнесены следующие пары.

Центр – периферия. Эта вертикальная форма социальной дифференциации остается одной из базовых форм зависимости от прошлого пути. В условиях России центр носит имперский характер. По словам Н. Лумана, «империя представляет собой смысловой горизонт коммуникаций, а именно коммуникаций бюрократических элит, которые... считают пространственные границы лишь преходящими ограничениями области их фактического влияния. <...> Последним случаем такой империи... оказался Советский Союз» [26, с. 88]. Он практиковал более современные формы управления периферией, чем Российская империя, чей унитарный характер «нарушала» автономия Польши и Финляндии. В СССР населявшие его народы имели либо автономии, либо союзные республики с правом выхода из состава Союза. Однако, несмотря на то что в советский период был создан единый народно-хозяйственный комплекс, государство выравнивало социально-экономические условия развития разных регионов, возводило в национальных республиках производственные объекты общесоюзного значения, в республиках функционировали свои академии наук и другие культурные центры, вертикальное деление на центр с его монополией на распределение ресурсов и периферию сохранялось. При том что в Российской империи функционировала унитарная модель отношений «центр – периферия», а в СССР – федеративная модель устройства государства, эти модели не уберегли обе империи от подъема сепаратизма, ставшего одной из причин их падения. В 1990-е гг. раздавшийся из Москвы призыв «взять регионам столько самостоятельности, сколько они ее смогут взять» ослабил позиции центра, но не помог создать сбалансированную систему отношений с периферией.

Власть-собственность – частная собственность. В социальной истории России институт частной собственности не имел такого значения, какое он имел на Западе, где частная собственность обрела твердую почву с возникновением римского права. В России традиционно господствовало патримониальное государство, основанное на институте власти-собственности. В.О. Ключевский описал такое государство в виде идеи «народного русского государства» в следующих словах: «Эта идея... выражалась в прежней вотчинной схеме, заставлявшей мыслить государя... не как верховного правителя русского народа, а только как наследственного хозяина, территориального владельца Русской земли. <...> Государство понимали не как союз народный, управляемый верховной властью, а как государево хозяйство, в состав которого входили... и классы населения, обитавшего на территории государевой вотчины. Поэтому народное благо, цель государства, подчинялось династическому интересу хозяина земли и самый закон носил характер хозяйственного распоряжения, исходившего из... кремлевской усадьбы и устанавливающего... всего чаще порядок отбывания государственных повинностей обывателями» [27, с. 16].

Отказ от средневекового варианта патримониального государства произошел лишь во второй половине XVIII в. – с указов Петра III и Екатерины II, даровавших дворянству вольности, в том числе право частной собственности. В то же время крестьянство, получившее свою «вольность» (освобождение от крепостного состояния) только сто лет спустя, жило общинным строем, при котором земля, принадлежавшая государству, была общей, а движимое имущество (скот, птица, утварь) составляло личную собственность крестьян. В итоге в российском обществе возникли два класса с конфликтными интересами – класс частных собственников (помещиков) и класс общинных крестьян. Их конфликт был конфликтом между социальными группами, обладавшими преимущественно нерыночной природой. Исторически товарные отношения в России отличались слабостью, что объясняется господством отношений власти-собственности и системы ценностей, исключавшей, говоря словами Н. Лумана, «рыночное кондиционирование индивидуального поведения».

В советское время клэш-пара «власть-собственность – частная собственность» приняла форму «общественная собственность – личная собственность». В личное владение граждан входили кооперативные квартиры, денежные сбережения, автомобили, дачи, т. е. движимое и недвижимое имущество. В деревне крестьяне имели личные подсобные хозяйства (ЛПХ), на долю которых по некоторым видам продовольствия (молоко, яйца, картофель, ягоды) приходилось до половины производившейся в Советском Союзе аграрной продукции.

В постсоветский период в результате реформ сформировались крупный бизнес, фермерские хозяйства и агрохолдинги, в том числе латифундии, с которыми, казалось бы, покончила советская власть. Модернизационная динамика состояла здесь в исчезновении двух исторически конфликтных институтов – дворянского землевладения и крестьянской общины, составлявших опору «старого порядка».

Патримониальное государство – рынок. В этой паре ведущим игроком является государство, а ведомым – рынок. Это определяет зависимость рыночно ориентированных групп, которые были и есть в России (например, буржуазия досоветского периода, нэпманы на заре советской власти и кооператоры на ее закате, предприниматели в постсоветское время), от государства.

В отличие от императорской России, где рынок постепенно развивался на основе частной собственности, в советский период, когда частная собственность запрещалась, отношения между государством и рынком вылились в конфликтное взаимодействие административного (бюрократического) рынка и директивного планирования. В середине 1960-х гг. начались реформы, предусматривавшие рыночное стимулирование труда и придание большей самостоятельности предприятиям как базовым единицам советской экономики. Последствия реформ были неоднозначными. По оценке экономистов, инициированная реформами пятилетка (восьмая) оказалась самой успешной в советской истории. Повысилось благосостояние советских людей, была введена пятидневная рабочая неделя, советский человек получил больше свободного времени, которое К. Маркс назвал «основным богатством» общества. Более того, статья 16 советской Конституции 1977 г. институционально закрепляла право предприятий на экономическую самостоятельность. Вместе с тем в условиях сохранения монополии государственной собственности и подчинения предприятий министерствам реформы усиливали экономический партикуляризм последних, превращая их в корпоративные органы управления со своими особыми интересами, вступающими в противоречие с общегосударственными интересами. Возникла ситуация, которую В.О. Ключевский называл «борьбой ведомств», функционально заменявшей борьбу классов. В результате сложился административный (бюрократический) рынок, на котором шел торг за ресурсы между различными статусными группами в обход решений плановых органов государства. Административный рынок, подрывая позиции директивного планирования как легитимного института перераспределения ресурсов, стал одной из причин падения советского строя. Перестройка конца 1980-х гг. с ее легализацией частных капиталов и появлением связанных с ними новых социальных групп лишь только укрепила позиции административного рынка, который сравнительно плавно перешел в постсоветское общество.

Реформы 1990-х гг., запустив приватизацию в качестве механизма легитимации процесса сращивания государства и бизнес-среды, помогли адаптировать советский бюрократический рынок к новой реальности. На этом рынке появился новый актер – класс предпринимателей, чьи взаимоотношения с чиновничеством определяют интригу рыночных отношений в современной России. Как отмечают исследователи, если в 1990-е гг. в связке «предприниматель – чиновник» бенефициаром был предприниматель, то в 2000-е гг. им стал чиновник [28]. Эти изменения отразили усиление государственного контроля над экономикой, а вместе с ним – роли чиновничества. Однако кто бы ни был бенефициаром в такой системе, это принципиально не меняет сами отношения власти-собственности, на которых зиждется российский социальный порядок.

Традиционалистская автократия – либеральная автократия. Дифференциация отношений власти-собственности привела к циклической смене двух разновидностей патримониального государства – традиционалистской и либеральной автократии.

Как отмечает А.Х. Денильханов, «либерализм правления Екатерины II сменился фундаментализмом Павла I, либерализм Александра I – фундаментализмом Николая I, либерализм Александра II – фундаментализмом Александра III. Эта историческая конструкция постоянно воспроизводилась...» [29, с. 95]. Советский период знал свою смену фаз «фундаментализма» (1930-е – начало 1950-х гг.) и «либерализма» (период оттепели, перестройка), хотя и на иной социально-экономической, политической и идеологической основе. Своя циклическая ритмика наблюдается и в постсоветской России, где разгул «либерализма» 1990-х гг. сменился стремлением создать «великое государство» как альтернативу «великим потрясениям».

Не следует думать, что фундаментализм всегда враждебен переменам. Так, Николай I провел реформу государственных крестьян, получивших права на самоуправление и собственности на землю. Александр III отменил подушную подать с крестьян, открыл Крестьянский банк для приобретения ими земли, впустил в страну западный капитал, участвовавший в модернизации российской промышленности. При Николае II была принята либеральная Конституция 1905 г., создана Государственная дума – первый русский парламент и проводились реформы П.А. Столыпина, выведшие страну в число наиболее быстро развивавшихся стран мира. Политику индустриализации 1930-х гг. в СССР С. Хантингтон назвал «модернизацией» при «отторжении вестернизации».

«Механическая солидарность» Э. Дюркгейма – «качественный индивидуализм» Г. Зиммеля. Эта клэш-пара опровергает расхожее представление об исключительно коллективистской природе российского общества. Однако природа индивидуализма (и коллективизма) в таком обществе нуждается в пояснении.

В свое время Г. Зиммель различал два типа индивидуализма в европейской культуре: «количественный индивидуализм» эпохи Просвещения и «качественный индивидуализм» периода романтизма, несущие «два противоположных понятия о смысле индивидуальности». Немецкий социолог видел особенность просвещенческого типа индивидуализма в том, что «в каждом индивиде заложено некое ядро, образующее его сущность и при этом одинаковое у всех людей...» [30, с. 367]. По Г. Зиммелю, основной философский мотив романтического типа индивидуализма состоит в том, что «каждый должен реализовать собственный идеальный образ, неравный никакому

другому». Тут уже содержится убеждение в неповторимости и уникальности каждой индивидуальности. «Но если Зиммель, – поясняет Н.С. Плотников, – характеризует современную ему эпоху как взаимодействие и взаимодополнение этих двух принципов – автономного индивида и неповторимой индивидуальности, – в русской истории понятий персональности мы встречаем доминирование романтического дискурса индивидуальности над нормативным понятием разумного индивида...» [31]. Преобладание такого типа индивидуализма в России затрудняет формирование личности с правовым самосознанием и основанного на нем института правового государства.

Коллективизм в России длительное время исходил из крестьянской общины. Описываемый в терминах Э. Дюркгейма как «механическая солидарность», которая «требует, чтобы индивиды походили друг на друга» и предполагает поглощение индивида коллективом, общинный коллективизм долго оставался препятствием для появления более современных форм социальной жизни. С превращением России (в советский период) в индустриальное общество, где развивались индивидуалистические социальные практики, инициированные переходом от коммунальных квартир к отдельным, приобретением индивидами автомобилей в личную собственность, механическая солидарность стала постепенно отступать перед расширением частной сферы жизни людей. В постсоветский период уже трудно говорить о механической солидарности как целостной аксиологической системе. Тем не менее кризис механической солидарности не привел к появлению того, что Г. Зиммель называл «количественным индивидуализмом».

Внеэкономический контроль – вольности. В этой клэш-паре модернизационная динамика задана сменой волн закрепощения индивидов (крепостное право, лишение крестьян паспортов и прикрепление их к колхозам в 1930–1950-е гг., прописка) и их раскрепощения (отмена крепостничества, возможность для советских крестьян территориального перемещения и социальной мобильности, свобода выезда за границу в постсоветский период). Важной вехой в истории России стало появление казачества, построенного на началах военной демократии как специфической формы социальной самоорганизации. Получение вольностей сопровождалось не только ведением более свободного образа жизни, но и разгулом вольницы, которая возникает в истории России обычно в периоды резкого ослабления государственного контроля над обществом. Так, например, дарование Екатериной II вольностей дворянству заметно ослабляло в нем моральную дисциплину и усиливало его тягу к праздности. В советское время ослабление (в конце 1950-х – начале 1960-х гг.) контроля со стороны государства повлекло за собой дифференциацию стилей жизни советских людей, появление бросивших вызов советским идеологическим нормам групп молодежи, называвшихся «стилягами». «Вольница» 1990-х гг., сопровождавшая переход от советского строя к «свободному рынку», характеризовалась попранием закона (получившим название «беспредела»), вызванным борьбой олигархических группировок, что только отдалило перспективу формирования правового государства.

Выводы

Российская модернизация представляет собой нелинейный переход к современности в рамках этакратического устройства общества. Можно выделить системный и антисистемный типы модернизации. Системная модернизация модифицирует старую форму этакратизма при ее сохранении. К этому типу относятся реформы Екатерины II, Александра II, П.А. Столыпина (досоветский период), реформы 1950–1960-х гг. (советский период). Антисистемная модернизация разрушает старую и создает новую форму этакратизма. Это реформы Петра I, Октябрьская революция 1917 г., перестройка и последовавший за ней слом советского строя (конец 1980-х – 1990-е гг.).

Исторически сформировавшийся в России дуалистический тип модернизации характеризуется повышенной степенью зависимости от прошлого пути развития, вызывающей рассогласованность между традиционным и современным. Выделенные клэш-пары, с одной стороны, создают коридор возможностей для осуществления модернизационных начинаний, с другой – существенно ограничивают их. Модернизационные процессы в России влекут за собой не переход от одной социальной формации к другой, а изменение (системное или антисистемное) состояния существующей (этакратической) системы. Другими словами, стратегическая задача модернизации в условиях этакратизма состоит в обеспечении его функциональности (адаптивности). Решение этой задачи наталкивается на действие фактора зависимости от прошлого пути. В этакратической системе, проходящей через горнило модернизации, происходит обострение отношений традиционного и современного: традиционное расходится с современным, а современное дистанцируется от традиционного. Дисбаланс отношений между традиционным и современным становится источником напряжения в обществе. Однако снятие или ослабление социального напряжения (социального конфликта), облаченное в форму реформ или революций, не останавливает победное шествие этакратизма по русской истории.

Ссылки:

1. Цит. по: Нуреев Р.М. Институциональная среда российского бизнеса – эффект колеи [Электронный ресурс] // Экономика и институты. СПб., 2010. С. 25–51. URL: <http://www.rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/05/388.pdf> (дата обращения: 20.11.2017).
2. Vergne J.-Ph., Durand R. The Missing Link between the Theory and Empirics of Path Dependence: Conceptual Clarification, Testability Issue, and Methodological Implications // *Journal of Management Studies*. 2010. Vol. 47, no. 4. P. 736–759. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2010.00913.x>.
3. Ильин В.И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // *Мир России*. 2017. Т. 26, № 4. С. 30–50. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-30-50>.
4. Хубер Р. Почему люди стремятся преуспеть? // *Этика успеха*. 1995. № 4. С. 171–188.
5. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. 416 с.
6. Eisenstadt S. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, NJ, 1966. 166 p.
7. Op. in: Hollander P. *Soviet and American Society: A Comparison*. Chicago ; L., 1978.
8. Зарубина Н.Н. Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе. М., 2006. 390 с.
9. Бессонова О.Э. Траектория и современный вектор развития цивилизационной матрицы России // *Мир России*. 2008. Т. 17, № 2. С. 108–138 ; Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008. 216 с. ; Нуреев Р.М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // *Мир России*. 2001. Т. 10, № 3. С. 3–66 ; Шкаратан О.И. Социальная система, обращенная в прошлое (часть 2) // *Социологический журнал*. 2015. Т. 21, № 4. С. 80–119. <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.4.3032>.
10. Вебер М. Основные понятия стратификации // *Социологические исследования*. 1994. № 5. С. 147–156.
11. Поланы К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева ; под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб., 2002. 320 с.
12. Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven, 1957. 556 p.
13. Шкаратан О.И. Информационная экономика и пути развития России // *Мир России*. 2002. Т. 11, № 3. С. 44–61.
14. Шкаратан О.И. Социальная система ... С. 89.
15. Бессонова О.Э. Указ. соч.
16. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. 528 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-0913-5>.
17. Кордонский С.Г. Указ. соч. С. 24, 40.
18. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014. 408 с.
19. Черныш М.Ф. Модели социальной мобильности в исследовании «Социальная мобильность» // *Социальная мобильность в России: поколенческий аспект* / отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, А.В. Ваньке. М., 2017. С. 190–211.
20. Лэйн Д. Социально-экономические итоги трансформаций в постсоциалистических странах // *Мир России*. 2016. Т. 25, № 4. С. 7–29.
21. Там же. С. 25.
22. Кивинен М. Средний класс в современной России // *Мир России*. 2004. Т. 13, № 4. С. 143–170.
23. Источник: Нуреев Р.М. Институциональная среда ...
24. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1998. 804 с.
25. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М.И. Левиной, А.Ф. Филиппова, П.П. Гайдено ; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, послесл. П.П. Гайдено ; коммент. А.Ф. Филиппова. 2-е изд., доп. и испр. М., 2006. 656 с.
26. Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М., 2006. 320 с.
27. Ключевский В.О. Лекция ХLI // *Ключевский В.О. Курс русской истории в 8 т. Т. 3. Ч. 3. М., 1957. С. 5–28.*
28. Шкаратан О.И. Социология неравенства ...
29. Денильханов А.Х. Своеобразие формирования и развития либеральных идей в России в XVII–XIX вв. // *Власть*. 2016. № 1. С. 95–103.
30. Цит. по: Плотников Н.С. Кант и Ницше, или Автономная личность и сверхчеловек. Антиномии персональности в русском философском критицизме рубежа XIX–XX веков // *Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры* / под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. М., 2010. С. 363–378.
31. Там же.